

[Главная](#) > Роман Сенчин: «Нужно оставаться в России и пытаться что-то менять»

Роман Сенчин: «Нужно оставаться в России и пытаться что-то менять» | Roman Sentchine : «Il faut rester en Russie et s'efforcer de changer quelque chose»

Автор: Надежда Сикорская, Лозанна, 21. 09. 2016.

Роман Сенчин (© Maxim Zemnov)

Завтра в книжные магазины Швейцарии поступит французский перевод романа [«Зона затопления»](#) Романа Сенчина, выпущенный издательством Noir sur Blanc (Лозанна).

|

Demain les librairies suisses reçoivent le roman de Roman Sentchine *Zone d'inondation*, publié en français par les Editions Noir sur Blanc (Lausanne).

Этот роман посвящен реальному событию новейшей российской истории – срочному переселению жителей старинных сибирских деревень в город в связи со строительством Богучанской ГЭС. В 2015 году роман был удостоен третьей российской национальной литературной премии «Большая книга», крупнейшей в России и СНГ литературной награды и второй по величине литературной награды в мире по размеру призового фонда после Нобелевской премии по литературе. Это уже второй опыт сотрудничества швейцарского издательства с этим российским автором – в 2013 году именно оно познакомило франкоязычную аудиторию с романом Сенчина [«Елтышевы»](#). Об этом событии Наша Газета узнала заблаговременно и заблаговременно связалось с автором, который отвечал на наши вопросы из Сибири, которую знает не понаслышке, которую любит и о которой пишет.

Наша Газета.ch: Роман, успел ли Валентин Распутин, сравнение с «Прощанием с Матерой» которого неизбежно при чтении Вашего романа, узнать, что книга посвящена ему? Были ли вы знакомы?

Роман Сенчин: Нет, к сожалению. Валентин Григорьевич умер тогда, когда книга печаталась. Такое вот горькое совпадение. И посвящение ему было и осталось как живому человеку... Если бы я писал или хотя бы сдавал рукопись в издательство, то, наверное, написал бы книгу иначе. Или вовсе бы не написал. Одно дело, когда автор «Прощания с Матерой» рядом, а другое – когда его уже нет...

Я видел Распутина на нескольких литературных мероприятиях в Москве и Иркутске. Но подойти, заговорить казалось мне нелепым, неловким. Мы познакомились за год до его смерти на премии Александра Солженицына. Оказались рядом – он с бокалом вина, я с рюмочкой водки. Рядом еще были люди. Зашел общий разговор как раз о Богучанской ГЭС, о новом водохранилище, исчезающих из-за затопления деревнях, и я спросил Распутина, можно ли, по его мнению, писать в прозе об этом. Он ответил, что нужно бить в набат, что это новое преступление перед страной. Но у него самого нет уже сил и веры в то, что можно что-то изменить... «Зона затопления» была к тому времени уже почти закончена, но я не стал об этом говорить. Мечтал при случае подарить книгу Распутину, но вот не сбылось...

Настоящим подвигом Распутина считаю его и нескольких литераторов скорбное путешествие по реке Ангаре в 2008 году от Иркутска до строящейся тогда Богучанской ГЭС. Это цепь мертвых водохранилищ, перекрытая плотинами река, останки изб на берегах, растерянные и плачущие люди в тех деревнях, которым суждено вот-вот исчезнуть... На основе этого путешествия режиссером Сергеем Мирошниченко был снят документальный фильм «Река жизни». Очень советую его посмотреть.

Такая книга может быть написана лишь на основании личного опыта, хотя бы небольшого. И действительно, в 1990-х годах Вы жили в Красноярском крае и даже начали заниматься фермерским хозяйством. Чем кончилось это начинание?

Да, «Зона затопления» в немалой степени основана на личных впечатлениях. Еще в детстве я бывал на Красноярском водохранилище, и такая картина – плывешь на лодке далеко-далеко от берега, а под толщей воды стоят деревья – запечатлелась в моей памяти навсегда. Или –

дорога, уходящая в воду... Потом, в середине 1980-х, стали наполнять Саянское водохранилище, и в моей родной Туве произошло перенесение целого города – Шагонара – на другое место. Были слезы, горели дома, многие не захотели жить на новом месте, искали место в столице Тувы Кызыле, где я тогда жил... Позже я увидел торчащие из воды колокольни на Рыбинском водохранилище, – это уже на Волге.

Строительство таких электростанций, с плотинами, перекрывающими реки, с огромными водохранилищами, – это пройденный технологический этап. Прогресс шагнул далеко вперед, и потому окончание строительства Богучанской ГЭС (а ее стали строить еще в 1970-е годы) поразило. Казалось, после такой великой книги, как «Прощание с Матерой», нельзя возвращаться в прошлое, повторять описанные в ней драмы. Но, оказалось, можно. При этом

Валентина Распутина награждали государственными премиями, с ним беседовали и просили неких советов первые лица государства, а на деле поступали как раз наоборот. Это касается, в частности, и Ангары – реки, которой теперь, по сути, не стало, и Байкала, который может вот-вот превратиться в огромную лужу с отравленной водой.

Насчет моих занятий фермерским трудом... Это скорее крестьянский труд. В Сибири большинство городов до сих пор состоят из изб, огородов, стаяк, в которых держат кур, свиней, коз, а то и коров, лошадей. Мои бабушка и дедушка жили в таком доме, и мы им помогали. В 1993 году наша семья переехала из Кызыла в деревню недалеко от старинного сибирского города Минусинска. Родители там живут до сих пор, я часто к ним приезжаю и на месяц-полтора становлюсь крестьянином. Поэтому жизнь героев «Зоны затопления» я более или менее знаю.

Поначалу читателю предоставляется возможность самому разобраться, что происходит, как отразился на людях телефонный разговор олигарха с президентом Путиным. И вдруг дается четкое определение причины всех бед: «какому-то хрену захотелось энергию в Китай продавать». Вы усомнились, что аудитория сама догадается, свяжет пролог с дальнейшим развитием событий?

Нет, я ничего не хотел разжевывать. Про «хрена» услышал от людей и решил эти слова включить в повествование. Отношение людей к происходящему, их мнения, оценки. Прямая речь – это самое важное для меня в художественном произведении. Без прямой речи, диалогов получается публицистика.

Если верить Википедии, Ваша семья в 1993 году покинула Кызыл, где Вы родились, из-за обострившихся в республике межнациональных отношений. Эта болезненная тема, вообще тема «чужого», «пришельца» присутствует в книге как бы намеком, внимание на ней не концентрируется. В одном месте мы читаем, что «местные не любят переселенцев», в другом Ирина Викторовна, всю жизнь прожившая в деревне Пылёво, вдруг обращает внимание на «не местные» фамилии соседей: Кайхеры, Крикау, а раньше еще были Шнайдеры, Гафнеры, Фоосы. И тем не менее все они для нее «свои». Это – Ваш идеал, мечта, утопия?

Жители города Колпинска, построенного специально для работников Богучанской ГЭС, действительно, не любят переселенцев. И здесь в основном экономические причины: работы и так нет, с жильем проблемы. Переселенцы из зоны затопления стали как бы привилегированными на тот момент по сравнению с теми, кто жил в Колпинске десять-двадцать лет...

А деревенские в моей книге не любят поселенцев – тех, кто находится в колониях-поселениях. Это такая облегченная форма отбывания наказания: человек, совершивший не очень опасное преступление или отбывший две трети срока, может оказаться в такой колонии и иметь некоторую свободу. Эти колонии-поселения должны обеспечивать себя сами, и люди могут или выращивать картошку, или наниматься вырубать лес, жечь избы и так далее...

Сибирь – это место, где намешаны многие национальности. До сих пор много этнических немцев (они стали жить в Сибири еще при Екатерине II), поляков, украинцев, евреев, литовцев, эстонцев... И все они сибиряки по образу жизни, характеру. Но есть – и их все больше – заезжие, которые для Сибири чужеродный элемент. О таких написал как раз Распутин в повести «Дочь Ивана, мать Ивана». И таких в Сибири не любят.

Есть, конечно, и коренные народы. Буряты, якуты, алтайцы, хакасы, эвенки, тувинцы... Прирастание России Сибирью – тема сложная и малоизученная, но тем не менее на протяжении XIX и почти всего XX века больших межнациональных конфликтов не было. Самым горячим можно назвать тот, что произошел в Туве в самом конце 1980-х – начале 1990-х годов.

Слава богу, обошлось без боевых действий, но были погибшие, было огромное количество фактически беженцев, уезжавших из республики практически бросив все. Особенно это касается тех, кто жил в районах республики... Теперь в Туве «русское» (под этим словом я подразумеваю все нетитульное) население составляет абсолютное меньшинство. Впрочем, такой же отток происходит и на Северном Кавказе: уезжали и продолжают уезжать из Дагестана, Кабардино-Балкарии, очень мало «русских» в Чечне... Русский мир сужается.

Про свой идеал говорить не буду – его, сформированного, нет. Но Сибирь – это уникальное место, где произошло слияние многих народов в один. Говорят, что сибиряков не существует, но я считаю, что они есть. Впрочем, любой этнос, народ подвижен – постоянно мы видим перетекание, видоизменения. И причина этого не кровь, текущая в человеке, а его речь, культура, традиции. И это-то надо сохранять, одновременно уважительно относясь к соседним народам... Моя бабушка, Валентина Мартемьяновна, родившаяся и выросшая в Туве еще до ее присоединения к Советскому Союзу, хорошо говорила по-тувински, моя мама знает лишь несколько фраз, а я – несколько слов. Тувинский язык, тувинские традиции были на периферии внимания тогдашней власти, и, может быть, это стало причиной того, что «возрождение» самобытности тувинцев вылилось в довольно жестокие формы.

Выступая на [Книжном салоне в Женеве](#) в 2015 году, Вы сказали: «Государство давно приучало русский народ быть покорным» и «Поэтому и сегодня большинство людей видят в государстве единственного защитника и даже спасителя». В «Зоне затопления» хотя бы несколько человек из тех, кому в приказном порядке суждено стать переселенцами, если и не оказывают открытое сопротивление произволу, то пытаются хотя бы «брыкаться». Но это – одиночки, и последствия подобного поведения для всех печальны, а для кого-то и трагичны. Вот если бы все поднялись! Но, говорите Вы устами Людмилы, «весь народ никогда не поднимется». И задаете почти риторический вопрос: «Разве мы достойны того, чтобы нам что-то объясняли?». Значит, правда, народ имеет то правительство, которого заслуживает?

Ну, во-первых, любое государство не может учитывать интересы каждого гражданина или небольшой группы. В зоне затопления водохранилищем Богучанской ГЭС в середине 2000-х было тысяч пять людей. По сути, горстка. Поэтому их голоса не были слышны. К тому же и внутри этой горстки были разные настроения: кто-то старался выгадать на переселении побольше, кто-то до последнего молча на что-то надеялся, кто-то молча страдал. Открыто протестовали единицы. Требования были в основном по улучшению условий переселения. Выделить землю, компенсировать потерю скотины, построек, бизнеса, у кого он был... С тем, что ГЭС будет достроена, большинство людей давно смирились – электростанцию начали строить еще в 1970-е годы, было частично перекрыто русло реки. Правда, сначала проектировался один уровень водохранилища, при котором было достаточно перенести села на несколько километров, а потом уровень сделали выше – чтобы станция была мощнее, и села решено было ликвидировать окончательно. А часть их была основана еще в XVII веке, и там сложился уникальный, самобытный мир. Очень горько, что он исчез, хотя абсолютное большинство людей было настроено там жить.

Проявлять протест небезопасно: введено много законов, по которым протестующие могут быть объявлены чуть ли не террористами, предусмотрены строгие меры наказания. И многих штраф

пугает сильнее реального срока заключения. Да и вообще русские, как известно, очень терпеливый народ, хотя когда терпение лопается, случаются вселенские потрясения.

Добавлю еще, что в головах у людей (и у меня тоже) огромная путаница: где ответственно государство, а где частный бизнес, куда пойти жаловаться, как отстоять свои права... Даже опытные адвокаты приходят в замешательство.

Еще один вопрос, остро стоящий в российском обществе, - это религия. Ваш персонаж Игнатий Андреевич убежден, что «от хорошей жизни к религии вряд ли кто припадет». Вы разделяете такое мнение? Значит ли это, что нынешнее массовое увлечение религией - от «нехорошей» жизни?

Людам, как я могу судить, нужно во что-то верить. После революции много десятилетий верили в коммунизм, многие работали на его построение. Потом коммунизм был объявлен чуть ли не преступлением. В капитализм верить невозможно, в нем нужно барахтаться, чтобы не утонуть. И довольно большое число людей пришло к вере в Бога. Причем не только в форме православия, ислама, католицизма, буддизма, но и многих их ответвлений. И это особый разговор, особая тема, мало еще изученная современной литературой.

Как я считаю, к вере многие приходят от безысходности. Не имея сил положиться на свои силы, люди полагаются на высшие силы... Религия делает людей, в общем-то, нравственнее, духовнее, но и слабее. Мне лично ближе учение Льва Толстого - каждый должен стремиться создать царство Божие внутри себя.

Не могу не задать вопрос, касающийся собственной профессии, - про журналистку Ольгу и ее коллег, откровенно признающих, что боятся писать правду. А Вы смотрите российское телевидение, читаете газеты, верите распространяемой информации?

Центральная печать, интернет довольно свободны. Телевидение, к сожалению, дует почти все в одну дуду. Но хуже всего с региональными газетами, особенно районными: они, как правило, принадлежат власти и критиковать власть им затруднительно. Журналистка Ольга из «Зоны затопления», в общем-то, смелая женщина, да и главный редактор тоже. Впрочем, и газета обречена... Но нельзя сказать, что в России абсолютное единомыслие в СМИ. Это не так. Кстати, одну из глав «Зоны затопления» напечатала в нескольких номерах газета Кежемского (у меня в романе Кутайского) района - как раз там, где происходит действие книги.

По сравнению с Вашим романом «Елтышевы», новая книга кажется хоть чуть-чуть менее мрачной. И все же последняя реплика в ней: «Уходить надо, бежать!» Следует ли понимать, что «зоной затопления» Вам представляется вся Россия?

Когда появились «Елтышевы», раздались голоса, что Сенчин похоронил деревню, что он ненавидит деревню. А когда вышла «Зона затопления», стали говорить, что Сенчин идеализирует деревенский быт, уклад. Один из критиков, Алексей Колобродов, по-моему, очень точно, и для меня неожиданно, определил, что я, как автор, в этих двух книгах смотрю на деревню разными глазами: в «Елтышевых» глазами семьи Елтышевых, для которых деревня чужая и враждебная, а в «Зоне затопления» глазами людей, для которых кроме деревенского мира, по сути, ничего нет. От этого и разная оценка.

А про «уходить надо, бежать!» ... Я никогда не стремился к обобщениям. И уж точно под этой фразой не подразумевал бегства из России. Себя кроме как в России я представить не могу, попросту ничего не понимаю, когда оказываюсь за рубежом, даже в Эстонии или Молдавии.

Мне милы даже наши российские проблемы. Без проблем мы бы совсем заснули, а так хоть немного, но шевелимся, пытаемся думать...

Нет, нужно оставаться в России и пытаться что-то менять, улучшать, поднимать страну, живущую в некоторых регионах словно в допетровское время. Но название романа «Зона затопления», может быть, и символично: если сложить территорию всех водохранилищ России, то получится огромная площадь, больше некоторых европейских стран. И затоплены зачастую лучшие земли, лишены малой родины сотни тысяч людей. И это трагедия, не имеющая никаких оправданий.

Скажу кстати, что это проблема не одной России. О водохранилищах много писали и пишут в США, Бразилии; сейчас строится несколько десятков гидроэлектростанций в Китае, и там идет волна протеста против затопления. «Зону затопления» переводят в Индии, и мой переводчик присылает мне ссылки на статьи в индийских СМИ о борьбе против такого рода электростанций.

В Монголии строятся ГЭС на Селенге, в результате чего эта самая большая река, впадающая в Байкал, может обмелеть. А это значит, что обмелеет и Ангара, которая вытекает из озера, и тогда все стоящие на ней электростанции, в том числе и Богучанская, станут практически бесполезны. Такая вот грустная история.

Добавить комментарий

Пожалуйста, [войдите](#) или [зарегистрируйтесь](#) , чтобы отправить комментарий
